

Практики гражданского участия на российском Дальнем Востоке. От частного интереса к публичной политике: в поисках солидарности¹

Анастасия Петровна Коняхина,

младший научный сотрудник Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: kap1@rbcmail.ru

В статье рассматриваются вопросы формирования солидарности как источника социального капитала на российском Дальнем Востоке периода перестройки и современности. Исследуются обстоятельства и мотивы превращения индивидуального интереса в общественный через участие в определении социальных проблем и вовлечение в гражданские коллективные действия. Используются социологические теории в области гражданской активности и доверия, привлекаются разнообразные источники: архивные документы, опросы общественного мнения и интервью. Делается вывод, что солидарность в пространстве публичной политики проявлялась в ситуации внешних по отношению к региональному сообществу угроз и носила преимущественно неустойчивый и локализованный характер.

Ключевые слова: перестройка, солидарность, доверие, социальная проблема, гражданское участие, общественное движение, Дальний Восток.

Practice of civic participation on the Russian Far East. From private interests to public policy: in search of solidarity.

Anastasia Konyakhina, Associate Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

In the article on the basis of sociological theories in the field of civic engagement and trust with the involvement of a variety of sources (archival documents, opinion polls and interviews) the case of the Far East during the perestroika period and the present is considered. In the focus of attention are the issues of forming of solidarity as a source of social capital. We investigate the circumstances and motives of the transformation of the individual interest to the public through participation in the definition of social problems and the involvement in civil collective actions. It is concluded that, in general, display of solidarity in the space of public policy has been erratic and localized in situations of external threats to the regional community.

Key words: perestroika, solidarity, trust, social problem, civic participation, social movement, Russian Far East.

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока в 1985—2012 гг.: противоречия и взаимосвязь» (проект № 13-01-00199).

Перестройка в СССР с её надеждами и разочарованиями для жителей большой страны остаётся актуальным событием для исследования и дальнейшей концептуализации появившихся и эволюционировавших в новых условиях явлений и процессов социальной действительности. К ним относятся практики гражданской активности на основе самоорганизации и когнитивной мобилизации, расцвет которых пришёлся на конец 1980-х — начало 1990-х гг., а через поколение, в 2010-х гг., вновь напомнил о себе. Ответы на вопросы «как?» и «почему?» относительно «ускользающего» гражданского общества на фоне продолжающейся дискуссии об особых качествах «русской власти» представляют сегодня теоретический (в первую очередь для историков и социологов) и прикладной интерес, привлекая внимание к исходным конституирующим характеристикам объектов и их разворачиванию во времени и пространстве.

В данной работе рассматривается один из базовых элементов социального взаимодействия. Задачи исследования состоят в том, чтобы на дальневосточном материале периода перестройки и 2010-х гг. показать формирование солидарности в качестве источника социального капитала. Выявить обстоятельства и мотивы превращения индивидуального интереса в общественный через определение социальных проблем и вовлечение в гражданские коллективные действия. Обнаружить, почему такой переход в итоге не совершается, обозначить препятствующие факторы.

В статье использованы архивные источники и периодические издания позднего и постсоветского времени, материалы опросов общественного мнения, а также записи неформализованных глубинных интервью, проведённых в 2012—2014 гг. как в столицах субъектов РФ (Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область), так и в дальневосточной глубинке, на уровне малых городов и посёлков.

Сегодня основанное на доверии социальное поведение и взаимодействие в публичной сфере изучается на макро- и микроуровнях в рамках различных объяснительных схем. Анализируются задаваемые принадлежностью к культуре и положением в социальной структуре доступные альтернативы поведения [46], рационализирующие его установки и представления самих действующих [52], риски усложняющейся социальной среды в условиях современного мира [14, с. 107—134; 56; 57]. Для наших поисков продуктивным будет обращение как к классическому наследию Э. Дюркгейма, так и к изысканиям Р. Мертона, Ч. Тилли, Р. Патнэма, А.Ф. Филиппова, Ю.А. Левады, и др. Работы историков и политологов, написанные на материалах Дальнего Востока России, уточняют и дополняют ряд теоретических положений по существующей проблеме [7; 9; 10; 12; 43].

Солидарность рассматривается нами не как некий нормативный идеал, свойственный гражданскому обществу, а прежде всего как инструментальное качество, атрибут согласованных гражданских действий, которые ведут к преобразованиям в обществе. Решение социальных проблем, экономическое развитие тем легче, чем выше уровень гражданского участия

и больше объём социального капитала. Существовая «только во взаимоотношениях индивидов», этот вид капитала «способствует достижению определённых целей, добиться которых при его отсутствии невозможно» [32, с. 124]. Он накапливается лишь при постоянном использовании и основывается на доверии, происходящем из двух источников — «норм взаимности и структур гражданской вовлечённости» (по Коулману) [40, с. 212]. В различных горизонтально ориентированных группах, ассоциациях, клубах эта взаимность образуется через систему формальных и неформальных правил, обязательства и приемлемые модели поведения, обеспечивающие поддержание внутренних связей.

Выбор человека в поле социального детерминирован ожиданиями относительно поведения «других» или «значимых других» (теория референтных групп Р. Мертона [36, с. 360—561]). Зафиксируем, что специфические для культуры позиции доверия и недоверия возникают через ощущение «идентичности — дифференцированности» одних действующих по отношению к другим [46, с. 86]. Доверие проявляет себя в движении в перспективе существующего (услышанного, понятого, узнанного) «другого» для реализации общих интересов во благо (в т.ч. отложенное по времени) каждого. При этом оно может как генерироваться ситуативно в доорганизационных формах солидарности или же в устойчивых структурах гражданского общества, так и носить глобальный, универсальный характер. В теории событий, разрабатываемой А.Ф. Филипповым, солидарность, как «особого рода среда коммуникации», обнаруживается в области различимых наблюдателем событий [48, с. 18]. В чистой форме «самодовлеющей совместности» (с целью «быть вместе») она отличается от традиционных конфигураций своей скоротечностью и «распадается прежде, чем забирается вглубь индивидуальной мотивации» [49, с. 33]. Её внеинституциональность при этом задаётся условиями современности (высокая мобильность, преодолевающая границы государств).

Важен для нашего исследования подход П. Штомки к культурному измерению доверия. Оно содержит в себе исторические результаты коллективного опыта (позитивного или негативного), когда «культурные императивы могут проигнорировать все рациональные расчёты, свести на нет... индивидуальные тенденции». Даже в случае радикальных общественных изменений, при сбое обоснованной ранее ориентации (на доверие или недоверие), ошибке этой инерции «традиционное недоверие может сохраниться в новых условиях, из которых вытекает, что более обоснованным было бы доверие». Причём наиболее сильно «культура недоверия» проявляет себя по отношению к различным ролям, должностям, институтам и системе в целом, а не к конкретным личностям [54, с. 332—333]. С учётом дополнительных истощающих солидарность факторов, значимость этого положения для советской/постсоветской России представляется несомненной.

Как можно оценить потенциал доверия в советское время, исходя из вышеуказанных концептуальных посылок? Изолированная от внешних

влиятельной и вертикально замкнутая система, в которой «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций» провозглашалась КПСС [28], не предполагала наличия независимых структур общественной кооперации. Самодеятельные, профсоюзные организации не обладали необходимой автономностью для наполнения их собственно гражданским смыслом. Как отмечают исследователи, на понятие «общественная деятельность» «было перенесено восприятие «общего» как неконкретного, пустого» [39, с. 56—57, 490]. Для человека советского «общественное» в противовес «дружбе домами» было чем-то исходно вынужденным и не вдохновляющим на долгосрочное сотрудничество.

Доступным и эффективным способом гражданского участия, имевшего в основе давние исторические традиции, являлось апеллирование к власти. Частный интерес реализовывался главным образом через прямые запросы в партийные и советские органы, в СМИ. До конца 1980-х гг. большинство обращений дальневосточников по-прежнему ограничивалось жилищной и социально-бытовой тематикой [4, с. 2; 30, с. 70—88], не затрагивая политическую сферу. Социальная напряжённость и конфликт, затрагивавший групповые интересы, не являлись предметом ни открытого обсуждения, ни диалоговых отношений с властью. Инициативы вне «добровольно-принудительных» проходили проверку на соответствие идеологическим канонам, существовала вероятность, что каждый участник таких коллективных действий мог понести наказание.

Любое проявление нонконформизма становилось нравственным актом самоопределения, выражением «гражданственности». К накоплению социального капитала в качестве символического продукта солидарных действий вела деятельность диссидентов, усиливавших через взаимную поддержку позиции друг друга в пространстве единых норм и смыслов. Ими был «найден важный инструмент воздействия на общественное мнение и даже для его создания — всякая подпись под письмом давала не только чувство сопричастности тому, кто подписывал, но и уверенность другим, что оппозиция — дело не одиночек, не общественная аномалия» [2, с. 39]. Одной из составляющих «„обобщённого другого“» как механизма общественного контроля» являются «словари мотивов» (Ч. Миллс), связанные с нормой, отражённой в языке, в речи действующих. Вменяемые (приписываемые «мне», «ему») мотивы стабилизируют и ориентируют социальное поведение [37, с. 102—103, 106]. Затруднение в выборе действия заставляло обратиться с вопросом к себе и другим, осознав возможные альтернативы поступков во взаимной перспективе.

С одной стороны, проявление солидарности ограничивалось «структурой политических возможностей»², а с другой — диктовалось внутрigrупповыми

² Структурные ограничения проявлялись в области законодательства. Так, в 1966 г. в УК РСФСР были введены статьи: 190¹ (предусматривала наказание за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»), 190² (за «надругательство над Государственным гербом

принципами интеграции. Солидарность проявляет себя в ситуации реальных контактов людей, объединённых системой общих представлений и ценностей. Но она не мыслится, в свою очередь, и без моральных обязательств, обеспечивающих социальный контроль для членов группы [36, с. 451]. Эти взаимные обязательства способствовали сохранению устойчивости группы в случае её привлекательности, но могли разрушать внутреннее доверие в случае необъяснённого выхода из неё участников.

Дальний Восток всегда был особым регионом с благоприятной для распространения свободных суждений и критических настроений психологической атмосферой [10, с. 183]. Со времени образования Дальневосточного отделения АН СССР представители академических институтов, как и отраслевых научно-исследовательских организаций, преподаватели и студенты вузов (ДВГУ, ДВПИ, ЮСГПИ и др.) отстаивали наиболее «радикальные» взгляды на демократическое обновление общества. Удивление, по мнению одного из лекторов, вызывала скорее «прозревшая» к концу перестройки традиционно консервативная часть партаппарата (горкомы, райкомы КПСС) [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 724. Л. 111, 113]. То, что не вписывалось в рамки привычных догматических установок и представлений, могло вызывать у неё дезориентацию и растерянность.

Жизнь на окраине, безусловно, накладывала отпечаток на менталитет тех, кто прибывал на Дальний Восток по своей и государственной воле. «Запад», «центр», «материк» — такое наименование «несеверных территорий России» [15, с. 102], мест выхода большей части дальневосточников, в региональном употреблении очень показательно. В целом в советском обществе солидарность не была достаточно прояснена в сетях доверия³. Но отмечается, что для Дальнего Востока социальная сеть, как «основа проточной культуры» (специфически масштабная и имперсональная), могла становиться условием выживания [8, с. 89—90]. Тихая «подгонка по месту» официальных институтов сочеталась с общей глубиной и непубличностью систем межличностных связей в повседневной жизни. Выяснить, насколько этот региональный контекст сохраняет своё решающее значения для (не)реализации солидарности в организационно-структурированных формах в условиях постсоветского общества, носящего во многом глубинные черты предыдущего этапа, — задача на будущее.

Препятствием для проявления доверия оставалась и «диктатура двоемыслия» советского человека, которая чётко разграничивала «сферу офи-

---

или флагом СССР, РСФСР или другой союзной республики»), 190³ (за «организацию, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряжённых с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлёкших нарушение работы транспорта, государственных учреждений или предприятий»), которые упростили привлечение к ответственности проявлявших гражданскую активность.

³ «Сети доверия» Ч. Тилли: «в них осуществляются разнообразные связи, главным образом, прочные, которые люди завязывают относительно ценных, важных и долгосрочных ресурсов или предприятий, подвергаясь риску возможного преступления, ошибок или неудач других людей» [47, с. 103].

циально предписанного (поступать, говорить, думать «как надо») и сферу допустимого или терпимого, которую весьма условно можно назвать „приватной“» [35, с. 78]. Этими рационализирующими рамками задавались параметры и способы предпочтительного поведения в той или иной ситуации. В определённых группах и в различных обстоятельствах для жителей Дальнего Востока оно могло обозначаться и формулой «дальше-то ссылать некуда», и циничным «Гудит как улей / Родной завод /...»⁴

Начатые в государстве в середине 1980-х гг. реформы и, в частности, объявленный переход к политике гласности допустили открытое признание разности интересов и конфликтности в общественной структуре. Косвенно это могло способствовать росту общего доверия в условиях большей ясности и прозрачности системы. На уровне же индивидуальном ослабление идеологического контроля приводило к раскрепощению сознания, расширению ментального горизонта, к поисковой активности в понимании себя, своего местоположения относительно других в меняющейся социальной действительности. Неизбежная утрата государством монопольного права на истину в этот период шла параллельно возросшей потребности людей в информации об общем малоизвестном недавнем прошлом в контексте неопределённого настоящего и условно предполагаемого будущего. Средства массовой информации, достигшие достаточного уровня независимости от властных структур, а также самиздат (являвшийся в советское время, по мнению его создателей, «основным средством самопознания и самовыражения общества» [1, с. 208]) были чрезвычайно востребованы.

Публикация писем, коллективных обращений, отслеживание острых ситуаций, проведение опросов и анкетирования («референдумов»), разговоры в прямом эфире, — всё это формировало чувство сопричастности происходившему, «гражданственности» как предвосхищения солидарности. Примечательно, что 44% жителей именно с печатью, радио и телевидением (второе место после советов народных депутатов) связывали надежды на улучшение дел в своём городе и районе [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1076. Л. 25]. Откликаясь на потребности людей в информировании, аккумулируя и выражая их интересы, задавая повестку дня, СМИ играли роль посредника и генератора дискурсивного напряжения, способствуя уточнению индивидуальных представлений и дистанционно объединяя выразителей мнений в их взаимном «опознавании». Ряд масштабных протестов в регионе начинался с подачи и при активном участии журналистов (события в марте 1988 г. в Благовещенске и в мае того же года в Южно-Сахалинске).

Э. Дюркгейм писал, что «быть в единении с другими» возможно посредством таких «состояний сознания» (в динамичном противостоянии коллективного и индивидуального), которые «происходят из общества», обращают людей к общим целям [21, с. 142—143]. Временное

⁴ Подробнее о «советском патриотизме», отражённом в новоязе, см.: [45, с. 489—490].

преобладание социального в человеке (по Э. Дюркгейму) в этом смысле содержит потенциал совместности и будущих согласованных действий.

Переход от частных мнений к публичному их бытованию совершается через непосредственное коммуницирование, и именно здесь мы впервые встречаемся с солидарностью как практикой. Сделаем шаг назад и обратимся к понятию социальной проблемы, процессам её развития от возникновения до фиксируемой наблюдателем конечной точки существования. Разделяемый нами конструктивистский подход наделяет социальную проблему логикой «субъективного суждения» людей [42, с. 8]. Только через определение ситуации в качестве проблемной и непосредственную совместную деятельность всех заинтересованных в её актуализации и решении, она начинает жить.

Проблема, писал Г. Блумер, чтобы не «зачахнуть» за пределами арены общественного действия, должна прежде всего получить «социальную легитимность», признание, чтобы уже на следующем этапе стать объектом обсуждения, полемики, различных описаний и разнообразных требований [5, с. 155—156] в качестве мобилизованной реакции на неё. Одной из главных в позднесоветское время площадок, позволявшей проблеме обрести общественное звучание и снискать поддержку со стороны населения, явились, как мы увидели, обновлённые СМИ. Последующая выработка квалифицированного мнения в общении с «другими», достижение согласия через непосредственное взаимодействие («лицом к лицу», «плечом к плечу»), служили мощным стимулом для усиления чувства солидарности и расширения её практики.

С официальным признанием демократии («демократического социализма» на первом этапе перестройки) в качестве нормативной ценности и инструмента преобразований открылись социальные возможности для расширения поля гражданского участия. Новой формой (при первоначальной поддержке партийных, комсомольских органов) стали дискуссионные клубы, нацеленные, с одной стороны, на разработку конкретных рекомендаций по решению социально-экономических проблем региона [18, с. 2], а с другой — на привлечение внимания к идее личного участия в перестроечных процессах. Так, в Хабаровске действовал «Координационный центр содействия перестройке», в Комсомольске-на-Амуре — «Комитет содействия перестройке», в Южно-Сахалинске — «Демократическое движение за перестройку». Кроме того, работали разнообразные круглые столы, «трибуны актуальных проблем», «исторические чтения».

В.В. Игрунов, один из основателей М-БИО, активной организации периода перестройки, так объяснял свои мотивы действовать, создавать интеллектуальные сети (сети доверия): «в 1987 году... я приехал с ощущением разрушения Советского Союза, с ощущением, что реформы идут вовсе не правильно. Что есть только публицистика, но нет интеллектуального спора, нет механизмов решений» [25]. Задача первых неформальных движений и организаций, освобождавшихся от партийной опеки или

находившихся в оппозиции к ней, была в том, чтобы развивать гражданское сознание «здесь и сейчас», обращаясь сразу ко многим без расчёта на быстрые «культурные» всходы. Главной своей миссией они провозглашали реализацию прав населения на свободу слова и мысли [ГАХК. Ф. Р-1248. Оп. 1. Д. 12. Л. 2], содействие росту политического правосознания. При этом важен был любой продуктивный отклик активной воспринимающей среды: «Мы будоражим (хотя бы своим существованием) общественное мнение... Мы появляемся везде, где слышится слабое биение пульса общественной жизни». Тактика действий, направленная на мобилизацию ресурсов и поиск сторонников, в целом была схожей у всех подобных структур: выработка проектов, программ, включение в информационные и контактные сети, строительство горизонтальных связей. «Отсутствие у оппозиции поддержки снизу» [55, с. 73] можно было нарастить, откликаясь и опираясь на потребности местного сообщества в решении социальных проблем.

Как показывают исследования, наибольших успехов добиваются группы, реализующие родные, «почвеннические инициативы» [40, с. 119]. Для жителей Дальнего Востока такой консолидирующей комплексной социальной проблемой виделись разнообразные угрозы со стороны центра [29, с. 113—127].

Одной из устойчивых и до сих пор определяющей характер и направленность диалога с властью, является мифологема о «богатом регионе», блага которого до жителей не доходят. Здесь содержится обида на Москву, которая бросает Дальний Восток (форпост России) на произвол судьбы [6]. Этот же мотив прослеживался и в советское время: в представлениях дальневосточников первые лица, номенклатура выступали зачастую как соучастники политики центра в колониальном использовании природных и людских ресурсов и только отработывали предоставленные центром привилегии [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1025. Л. 88], отдавая территорию на откуп министерствам и ведомствам. Сегодня к этим структурам добавились государственные корпорации и крупные экономические субъекты с пропиской в Москве и за рубежом.

Среди актуализированных тем, получивших в перестройку своё публичное оформление, были, прежде всего, вопросы защиты окружающей среды. Их обсуждение в системе официальных общественных организаций в советское время было вполне допустимо. Перелом произошёл в 1986 г., он был вызван «чернобыльским синдромом» — реакцией людей на информационные потоки по поводу различных техногенных угроз [22, с. 63]. Характерна фраза из письма местного жителя по поводу рубки леса в Хабаровском крае (спустя 4 года после аварии): «Я не хочу видеть мёртвую тайгу... Давайте организуем особый фонд — ведь есть же фонды милосердия, Чернобыльский, а лес и есть наш Чернобыль» [33, с. 7].

Экологический конфликт как арена солидарности развивался по следующему сценарию: местное население из слухов, по отрывочным

сведениям узнавало о предполагаемых планах по строительству на территории какого-либо промышленного объекта (АЭС, ГОКа и т.д.). В отсутствие достоверной информации и на фоне роста социальной напряжённости в различные инстанции направлялись коллективные обращения, письма с просьбами прояснить ситуацию. Когда реакция адресата была неудовлетворительной или заказчик начинал подготовительные работы на местности, запускался механизм эскалации конфликта, а проблема получала социальную легитимность и публичную артикуляцию.

В совместных действиях участвовали все заинтересованные группы, вносящие свой вклад в решение проблемы: жители, учёные, общественно-политические движения, журналисты, депутаты местных советов и Верховного Совета, избранные от территории. На митингах собирались подписи, принимались резолюции с требованиями контрагенту (представителям региональной и центральной власти). Образовывались инициативные группы, стачкомы, экологические комитеты. Зачастую такие структуры («ячейки гражданской вовлечённости» по Р. Патнэму), добившись положительного результата, приобретя опыт и капитализировав его в мобилизационный ресурс, продолжали свою деятельность в области защиты прав населения, расширяя её географию и тематику.

Согласно данным опроса, проведённого ДВО ВЦИОМ в 1991 г., движение «зелёных» располагало максимальным доверием дальневосточников с колоссальным отрывом от остальных общественных организаций [17, с. 2]. Самые высокие результаты на Дальнем Востоке демонстрировал Хабаровский край, где неформальные экологические объединения к концу 1980-х перешли к активной политической деятельности [Подробнее см.: 34]. Многие их лидеры, строя свои программы на экологической повестке, проходили в Советы народных депутатов разного уровня.

Таким образом, вопросы экологии (строительство Приморской и Дальневосточной АЭС, каскада ГЭС на Амуре и Усури, промышленных объектов; захоронение радиоактивных и химических отходов; лесопользование и т.д.) становились той социальной проблемой, свидетельствующей о разнонаправленности интересов центра и региона, которая на локальном уровне объединила жителей перед лицом внешней угрозы. Есть предположения, что с требованиями экологической безопасности вследствие «чернобыльского синдрома», послужившими одним из стимулов к большей информационной открытости советской системы, связан подъём сепаратизма в союзных республиках [22, с. 63—64]. Ситуация на Дальнем Востоке даёт определённые основания для подобных выводов. В предвыборных программах кандидатов в депутаты темы защиты окружающей среды часто соседствовали с призывами к большей самостоятельности региона. Например, это обнаруживается в следующей формулировке: «Создание в краевом Совете постоянно действующей системы, блокирующей распоряжения центральных органов, которые могут нанести вред условиям жизни дальневосточников» [50, с. 5].

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. солидарность на Дальнем Востоке формировали и другие вопросы:

- приграничные: проблема принадлежности Курильских островов; снятие статуса погранзоны в Сахалинской области и Приморском крае;
- межэтнические: взаимоотношения с корейским населением, иностранной рабочей силой, прибывавшей по межправительственным соглашениям и организованному набору (граждане КНДР, СРВ, КНР);
- вопросы социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера, проблема закрепления территорий традиционного природопользования;
- проблема гласного обсуждения проектов развития региона, требование обязательного проведения референдумов во время принятия важнейших решений, затрагивающих интересы жителей (размещение промышленных, военных объектов, ИТУ, изменение административного статуса и границ территорий, пограничной зоны и т.д.);
- борьба с номенклатурными привилегиями и злоупотреблениями служебным положением («круизы для своих» и т.д.);
- проблемы законодательного упорядочения льгот для граждан, проживающих в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним;
- идея независимости Дальнего Востока (создание Приморской республики, Независимой Демократической островной республики, ДВР, Дальневосточной Демократической Республики, Еврейской автономной республики, Национальной автономии коренных малочисленных народов Сахалина)⁵.

В обстоятельствах нараставшего экономического и политического кризиса, потери рычагов влияния и растерянности партаппарата возникал вынужденный диалог между отступающей властью и самоорганизующимся обществом. Социальные движения⁶, заявляя в публичном пространстве о наличии проблемы, принуждали контрагента к открытой позиции в её признании и решении.

Острота протеста в регионе была вызвана сочетанием болезненного для населения поражения в экономических правах с конфликтом, в центре которого находилось понимание справедливости. Объединение на основе этого понимания приводило к тому, что Дж. Ролз описал как создание «уз гражданской дружбы» между индивидами с совершенно разными целями и устремлениями [49, с. 26].

⁵ Заметим, что массовой поддержки эти начинания не имели. Перенесённая в область экономических реалий, эта идея воплотилась в концепции создания зон свободного предпринимательства на Сахалине и в Приморье.

⁶ «Социальные движения» — это коллективные действия, которые направлены «на осуществление какого-либо вида социальных изменений» и развиваются «в рамках неформальных, не имеющих институционализированного и формализованного характера систем» [54, с. 163].

Примером такой самоорганизации в регионе с мотивом требования справедливости стали события мая 1988 г. в Южно-Сахалинске [Подробнее см.: 31, с. 180—185]. Поводом для выхода горожан на площадь стали информация, озвученная в эфире собкором Гостелерадио, о безальтернативных выборах сахалинских делегатов на XIX Всесоюзную партконференцию, о злоупотреблениях первого секретаря обкома и последовавший призыв собраться на съёмки программы «Прожектор перестройки». Латентная социальная напряжённость и недовольство получили выход в прямом политическом действии, когда уже сформированные индивидуальные мнения по волновавшим людей вопросам, озвученные перед незнакомыми, неизвестными «другими», обрели вдруг силу общественного интереса и коллективную же значимость.

Первым шагом на пути к сотрудничеству стало, таким образом, гласное выражение своих представлений в рискованной ситуации неопределённости социального окружения и угрозы санкций с его стороны. «Нас до такой степени приучили говорить то, что нужно и когда нужно, что уже сама эта рабская привычка помыкает каждым. Я ведь не людей боялся. Страшно было говорить именно самому!», — признавался позднее один из участников [44, с. 10]. «Когда мнения, — пишет Ю. Хабермас, — вырождаются во всего лишь мнения, утрачивается и требование занять позицию» [51, с. 129], сделать выбор среди возможных альтернатив поведения.

На втором митинге, собравшем, по разным оценкам, до 5 тыс. чел., стихийная инициатива жителей была оформлена в политическую организацию общественности города «Демократическое движение за перестройку» (ДДП), костяк которой составили проявившие себя лидеры. Успешность деятельности ДДП по ряду востребованных направлений во многом была обусловлена массовой поддержкой местного населения (сторонников и сочувствующих). Публичность и сетевая активность движения (аналогичные группы возникли в других городах области, были установлены связи с российскими и зарубежными структурами), поставляя модели эффективного солидарного действия, позволяли вырваться из маргинальной зоны в системе коммуникации, а накапливаемый социальный капитал до поры до времени облегчал институциональные усилия.

Приведём ещё один сюжет, связанный с пребыванием в регионе иностранной рабочей силы, и в частности, граждан КНДР. Согласно межправительственному Соглашению 1967 г., в Верхнебуреинском районе Хабаровского края около 15 тыс. корейцев участвовали в совместных лесозаготовках, которые постоянно расширялась, приводя к истощению лесного фонда. К середине 1980-х гг. количество корейцев достигло своего максимума, а их деятельность, не оговорённая Соглашением, стала причиной роста недовольства населения, обеспокоенного ухудшением своего материального положения. Получившие к 1990-м широкую огласку в СМИ факты многочисленных нарушений советского законодательства (масштабное и систематическое браконьерство,

кражи, изготовление и торговля самогоном, спекуляции) при сложности привлечения иностранных рабочих к ответственности вызвали открытое возмущение жителей района и края, потребовавших у властей выдворить корейцев.

В отличие от ситуации в Амурской области, где борьбу за ограничение лесозаготовок возглавил обком КПСС (собранный в 1990 г. подписи 400 тыс. жителей против политики Минлеспрома СССР [53, с. 4]), местные и краевые партийные органы в Хабаровском крае настаивали на пролонгации Соглашения, оправдывая это экономической целесообразностью и государственным интересом. Начавшаяся стихийная протестная кампания (митинги, сбор подписей, подготовка к проведению референдума), поддержанная Верхнебуреинским райсоветом, проходила под лозунгами «Нет господству министерств, как своих, так и иностранных!» [24, с. 11]. Призыв к «деколонизации» края и Дальнего Востока распространился далеко за пределы района, его подхватили различные общественные организации и группы. Так, в июле 1990 г. во время забастовки шахтоуправления «Ургальское» шахтёры выдвинули ряд требований, в числе которых было и непродление договора о совместных разработках КНДР — СССР. В случае отказа стачком грозил забастовкой с объявлением недоверия советской власти [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 433. Л. 60]. Жители, объединённые представлением об общем благе при угрозе их ценностям (право на приемлемые и справедливые условия существования) действовали в соответствии с имевшимися информационными и физическими ресурсами. Результат этой мобилизации оказался во многом зависим от степени «отзывчивости», восприимчивости и отклика системы. Усилия индивидуальные и коллективные в условиях слабости институтов согласования наталкивались на структурные ограничения, определявшиеся закрытостью и неподконтрольностью власти.

Причинами исчерпания социального капитала, максимум объёма которого пришёлся на конец 1980-х — начало 1990-х гг., можно считать недостаточную укоренённость новых гражданских практик. Они перестали воспроизводиться с утратой своего ценностного (разочарованность населения в итогах социально-экономических реформ и демократии как ориентира) и инструментального (после отрыва лидеров инициатив от интересов рядовых участников и общей дезорганизованности) значения. Сказалось и отсутствие глубоких норм взаимности, которые «примирили индивидуальный интерес и общественную солидарность» [40, с. 214]. Стандарты советской социализации предполагали единообразие и иерархическую соподчинённость взамен горизонтально ориентированных отношений в пространстве гражданского и политического. Так, примером внутригруппового распада солидарности могут служить обвинения со стороны части бюджетников в адрес протестовавших шахтёров в том, что те, пытаясь решить проблемы, «тянут одеяло на себя» («денег на всех не хватит»). Вменённый мотив в ситуации высокой социальной неопределённости сработал как понижающий доверие фактор.

Многие вышеуказанные институциональные и «мягкие переменные» сохраняют своё детерминирующее значение для проявления солидарности и на современном этапе. Сразу отметим, что сегодня более двух третей россиян считают, что не могут влиять на принятие решений в своём регионе, городе и районе [38, с. 38]. Парадокс: несмотря на то, что главной заинтересованной в переменах стороной называются сами жители, лишь небольшой процент ответивших старше 35 лет (7%) связывает лучшее будущее своего города с их деятельностью [АОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Результаты опроса общественного мнения. Арсеньев, 2013], полагаясь на государственные усилия и заботу и не доверяя тем, кто находится с ними рядом.

Сегодняшняя инфраструктура гражданской вовлечённости в регионе испытывает трудности, сравнимые с общероссийскими. Характеристики и ресурсы акторов существенно разнятся, что во многом определяет степень их поддержки в обществе и привлекательности для личного участия. Процент зарегистрированных некоммерческих организаций, выполняющих функции представителей гражданского общества, невелик: по оценкам исследователей, примерно 2/3 являются «спящими», реально действуют лишь 11% — те, чья работа сосредоточена в основном в крупных городах [3]. О существовании НКО в своём населённом пункте, районе не знают (не смогли назвать) 93% россиян [19, с. 16], в Хабаровском крае таковых оказалось 85,5% [20, с. 146]. На уровне страны отмечен и рост недоверия к третьему сектору.

Сегодня разного рода узкоспециализированные НКО, а также прогосударственные политические партии и движения наименее востребованы большинством населения, хотя и обладают подчас несомненным, с практической точки зрения, ресурсом: «Вы же знаете, лучшее время — перед выборами» [АОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с Д. Приморский край, г. Арсеньев. 2013. 1 июля].

Значимость же создаваемых сегодня сверху таких площадок, как общественные палаты, по мнению их участников, состоит не столько в признании за ними роли инструмента для диалога власти и общества (опыт аналогичных структур начала 1990-х — общественно-политических советов при главах администраций краёв и областей — показал в этом смысле их невысокую эффективность), сколько — и это главное — в возможности наладить прежде всего продуктивную внутреннюю коммуникацию. Они нужны, «чтобы в глаза друг другу посмотреть» [АОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с В. Хабаровский край, г. Амурск. 2014. 8 июля]. Существует опасность их «скатывания» к партхозактивам советского времени в случае дефицита трёхстороннего (власть — общественная палата — население) диалога и внутригрупповой солидарности. И, напротив, наиболее успешными и популярными являются те палаты, состав которых опирается в своей работе на актуальные социальные проблемы, становясь ареной их легитимации и способствуя их решению.

В качестве полноценных акторов гражданского коллективного действия в малых городах и посёлках мы бы выделили зародившиеся снизу инициативные группы («движения одного требования»), а также общественные организации (профессиональные, правозащитные), откликающиеся на насущные потребности местного социума. И если первые возникают ситуационно в борьбе за внимание власти к своей локальной проблеме и вскоре распадаются [23, с. 100], то вторые занимаются планомерной, подчас рутинной, работой. Об их активной деятельности становится широко известно, о чём свидетельствуют разнообразная информация в открытых интернет-источниках, в местных и региональных администрациях, а также сформированное мнение жителей. Главы этих немногочисленных структур — люди, накопившие успешный опыт в избранной сфере с советских времён, — имеют чёткое представление о должном и справедливом. Область приложения их усилий — как повседневные проблемы жизнедеятельности и обустройства города, района, так и консультативная, юридическая помощь в восстановлении прав различных групп населения (бюджетников, членов ТСЖ, автомобилистов и т.п.): «Ну, слух-то идёт. Одному человеку поможешь, второму человеку поможешь...» [АОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с С. Сахалинская область, г. Шахтёрск. 2013. 17 июля]. Материальные ресурсы их подчас крайне ограничены, но символические, основанные на доверии значительны.

Однако устойчивой социальной базой эти движения и организации не располагают. Здесь проявляется и «феномен безбилетника»: «людям деньги выплатили, а мне даже никто «спасибо» не сказал... Считают, что так и нужно» [АОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с С. Сахалинская область, г. Шахтёрск. 2013. 17 июля]. Мнение жителей, с сочувствием относящихся к подобным проявлениям гражданской сознательности у других («Нужны люди, которые на митингах выступают, пусть власть покусывается, это нужно» [АОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с Л. Приморский край, п.г.т. Кировский. 2012. 6 июля]), тем не менее не трансформируется в готовность присоединиться к совместным акциям с осознанием общезначимого интереса как собственного. Трансформации 1990-х гг., как отмечают социологи, радикальнее всего сказались на состоянии культурной среды коллективного действия: ценности альтруистической солидарности вытесняются ценностями выживания и личного благополучия [23, с. 113]. Для большинства игнорирование и избегание всего «общественного» при отсутствии явного личного мотива проявляются как чистая рациональность.

Представители власти отмечают пассивность людей в использовании законодательных возможностей для участия в управлении территорией. Как сетовал сотрудник аппарата местной думы, жители обращаются к ним только с жалобами, а не предложениями. После вступления в силу 131 ФЗ на публичных слушаниях «первые два месяца, наверное, народ ещё был... Потом... никто не приходит... за исключением 1—2 человек и работников администрации. Никому это не надо» [АОСПИ ИИАЭ ДВО РАН.

Интервью с В. Приморский край, п. Кавалерово. 2013. 1 июля.]. Причинами такой политической самоизоляции может быть и невысокая самооценка жителей в качестве субъекта изменений, и институциональное недоверие.

В дальневосточной провинции наблюдается фактическая атомизированность и разрозненность социального поля. Фрагментация населения по принципу «принадлежности» (своей группе) на фоне недоверия к «другому», по мнению исследователей, ведёт к непубличному характеру коммуникационной активности [27, с. 525]. Затруднены как сверка и совершенствование индивидуальных позиций по социальным проблемам, так и согласованное вступление в коллективные действия.

Таким образом, остаётся открытым вопрос о накоплении межличностного доверия в условиях как в целом «культуры недоверия», так и отсутствия корпуса разделяемых ценностей и общего языка, затрудняющего взаимную идентификацию, а также квалифицированных и согласованных групповых представлений. Нормативные основания солидарности оказываются размытыми. «Такие практики, как «действие, ориентированное на взаимопонимание», «хождение на выборы», — пишет Ю. Хабермас, — не могут функционировать, если их участники по умолчанию не приписывают им truth-tracking potential (потенциал поисков истины)» [51, с. 121]. Подчас сегодня единственным значимым объединяющим мотивом для населения служит требование справедливого отношения и соблюдения прав в случае непосредственной угрозы безопасному существованию.

В качестве примера можно привести массовый протест дальневосточников против деятельности компаний, занимавшихся открытой перевалкой угля или планирующих таковую в портах Приморского и Хабаровского краёв, Сахалинской области. Благодаря консолидированным действиям инициативных групп, учёных, общественных организаций (в т.ч. общественных палат), местного депутатского корпуса, как то: распространение информации по месту жительства и работы, через интернет, сбор подписей, обращение в региональные и федеральные органы власти, участие в общественных слушаниях по проектам, митингах, подготовке референдума, — создавались условия для накопления социального капитала, легитимации проблемы и её решения. Индивидуальное «я» в поле общих смыслов умножалось здесь через коллективное «мы»: «Уважаемые жители Славянки! Друзья по несчастью!» «Мы здесь собрались для того, чтобы выразить свой протест против нарушения конституции и отстоять своё право на жизнь в чистой экологической среде». «Мы не быдло, мы берём всё в свои руки... Будем чего-то добиваться — мы добьёмся! Потому что мы сила, когда мы вместе. По одному задавят. Поэтому мы и выступаем сейчас здесь» [АОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Видеозапись митинга. Приморский край, п. Славянка. 23 марта 2013 г. Выступающие Р.С., Н.Г., Т.Н.]. Дальнейшие результаты совместных усилий находились в прямой зависимости от устойчивости практик гражданской вовлечённости, укрепления своей «субъектности» в отношениях с контрагентом (властью, бизнесом).

Мы видим, что солидарность не находится в некоем механически собирающем жителей в пределах государства аморфном «обществе» («российском» или «дальневосточном»), охватить, определить содержание которого затрудняется как обыватель, так и исследователь. Она рождается и поддерживается благодаря желанию и способности людей действовать согласованно с учётом и существующих политических возможностей, и собственной позиции в социальной структуре. Принимает ли совместная деятельность людей стихийные формы или реализуется в рамках разного рода организаций, сегодня её связь с территорией проживания внешне оказывается наиболее зримой. Частный интерес за пределами узких, семейных групп и «партийных машин» получает общественную артикуляцию в ситуациях, определяемых людьми как проблемные, перед внешними вызовами привычному системному порядку. Когда нормальное течение социальной жизни замедляется, а индивидуальные усилия людей наталкиваются на серьёзные институциональные барьеры, тогда и возникает потребность в солидарности как ценности и практике.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период. М.: Моск. Хельсинк. группа, 2012. 384 с.
2. Амальрик А.А. Записки диссидента. Анн Арбор: Ардис, 1982. 361 с.
3. Аналитическая записка «О состоянии гражданского общества в Приморском крае в 2009 году». Совет предпринимателей г. Артёма // FINANCLIGA.RU: сайт некоммерческого партнёрства «Лига финансовых институтов». URL: <http://financliga.ru/?p=3083> (дата обращения: 22.08.2014).
4. Баханов И. Что за жалобой? // Советский Сахалин. 1988. 12 янв.
5. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Контексты современности-2. Казань: Изд-во КГУ, 2001. 188 с.
6. Бляхер Л.Е. Государство и несистемные сети желтороссии, или заполнение «пустого пространства» // DV-REKLAMA.RU: Дальневосточный информационно-рекламный портал. URL: www.dv-reklama.ru/ftp/2011/blyaher_ocherki.pdf (дата обращения: 13.09.2013).
7. Бляхер Л.Е. Можно ли согласовать спонтанный порядок и полицейское государство? Государство vs. локальное сообщество в малых городах Дальнего Востока России // Полития. 2013. № 2. С. 50—73.
8. Бляхер Л.Е. Потребность в национализме, или Дальний Восток в демографической структуре АТР // Социально-политические процессы на Дальнем Востоке России: анализ, регулирование, прогноз: сб. материалов первой регион. науч.-практ. конф. Хабаровск: Кн. изд-во, 2004. 272 с.
9. Буянов Е.В. Становление и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока России (1988—1995 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 264 с.
10. Вашук А.С. Инакомыслие в СССР и проявление крамолы на Дальнем Востоке (1960—1970-е гг.) // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 3. 2008. С. 183.
11. Вашук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 г. — конец 80-х годов): дис. ... доктора ист. наук. Владивосток, 1998. 463 с.
12. Владимиров Д.А. Политическое участие и роль некоммерческих организаций в демократических преобразованиях в Приморье конца XX и начала XXI в.: дис. ... канд. полит. наук. Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2010. 282 с.

13. Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 352 с.
14. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / пер. с англ. С.П. Баньковской // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107—134.
15. Гоголева Е.М. Лексемы «материк» и «Колыма» в общенациональном словаре и в региональной традиции // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 2. Магадан: Кордис, 2007. 260 с.
16. Дамье В.В. Атомизация общества и социальная самоорганизация: Российский контекст // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М.: Едиториал УРСС, 2004. 304 с.
17. Демеш М. Ты мне доверяешь? // Единство. 1991. 13 июля.
18. Дискуссии о проблемах перестройки // Дальневосточный учёный. 1989. № 10.
19. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год. М., 2013.
20. Доклад о состоянии и развитии гражданского общества в Хабаровском крае. 2013 год. Хабаровск, 2014. С. 146 // KHAVKRAI.RU: официальный информационный портал Хабаровского края. URL: http://www.khabkrai.ru/information/doc/doklad_sostoyan_gazvit_gr_obsh_050314.doc (дата обращения: 15.05.2014).
21. Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия / пер. с фр. Г.Б. Юдина // Социологическое обозрение. Т. 12. № 2. 2013.
22. Ефременко Д.В. Нормальная катастрофа: ещё раз об исторических развилках 1980—1990-х годов // Россия и современный мир. 2014. № 2.
23. Задорин И.В., Зайцев Д.Г., Климов И.А. Гражданское участие в России: картография проблем и решений // Полития. 2011. № 1. С. 98—116.
24. Здравствуй... // Молодой дальневосточник. Хабаровск, 1990. 21 апр.
25. Игрунов В. М-БИО: Опыт построения гражданских сетей. Доклад на Международной конференции «Советская общественность в эпоху перестройки (1985—1991)». Москва, 13—15 нояб. 2008 г. // IGRUNOV.RU: сайт Вячеслава Игрунова. URL: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1228426623.html (дата обращения: 15.06.2014).
26. Капустин Б.Г. Критика политической философии: избранные эссе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 424 с.
27. Каширских О.Н. Политические предпочтения россиян в условиях «дилеммы транзита» // Пути России. Новые языки социального описания. Т. XIX. М.: НЛЮ, 2014. 560 с.
28. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. Ст. 6 // HIST.MSU.RU: сайт Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 4.05.2014).
29. Коняхина А.П. Гражданская активность на юге Дальнего Востока России (1980—1990-е гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 2013. № 4. С. 113—127.
30. Коняхина А.П. Диалог с властью. Изучение и формирование общественного мнения населения Хабаровского края во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. // Девятая Дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток: ДВО РАН, 2006. С. 70—88.
31. Коняхина А.П. Формирование гражданского общества на российском Дальнем Востоке: «Демократическое движение за перестройку» // Перестройке 25 лет. Историческая память современной России: материалы междунар. науч.-практич. конф., 14 мая 2010 г. М.: РГГУ, 2010. С. 180—185.
32. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий. // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 122—139.

33. Кудин. Купим в... Корею? // Молодой дальневосточник. Хабаровск. 1990. 13 янв. С. 7.
34. Кузьмина М. Комсомольск-на-Амуре: конец двадцатого века. История демократического движения в эпоху политических потрясений. Книга первая. Комсомольск-на-Амуре, 1998. 208 с.
35. Левада Ю.А. Сочинения: проблема человека. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. 526 с.
36. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
37. Миллс Ч.Р. Ситуативные действия и словари мотивов // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. 2001.
38. Общественное мнение — 2012. М.: Левада-центр, 2012. 232 с.
39. От общественного к публичному. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 530 с.
40. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. 287 с.
41. Подошвин В. Борьба идеологий в общественно-политическом движении на Сахалине // СИАА. Южно-Сахалинск, 1996. № 1(7).
42. Полач Д. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 1.
43. Савченко А.Е. История административно-политических отношений Центра и регионов юга Дальнего Востока: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 285 с.
44. Сактаганов С. Восемь дней, которые потрясли Сахалин (хроника майских событий 1988-го) // Литературно-художественный сборник. Сахалин: Дальневосточное кн. изд-во, Сахалинское отделение, 1989.
45. Сарнов Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 768 с.
46. Терборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке // Теория общества: сборник / пер. с нем., англ. / М.: «КАНОН-пресс-Ц», 1999. 416 с.
47. Тилли Ч. Демократия. М.: Институт общественного проектирования, 2007. 264 с.
48. Филиппов А. Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. 2011.
49. Филиппов А.Ф. Мобильность и солидарность. Статья вторая // Социологическое обозрение. Т. 11. № 1. 2012.
50. Хабаровчане!.. // Молодой дальневосточник. Хабаровск. 1990. 3 марта.
51. Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI / пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Изд-во «Весь мир», 2012. 160 с.
52. Цебелис Дж. В защиту теории рационального выбора // PAVROZ.RU: персональный сайт А.В. Павроза. URL: <http://www.pavroz.ru/files/tsebelisrationalchoice.pdf> (дата обращения: 20.05.2014).
53. Швыдка Т. Падал с кедр помидор... // Молодой дальневосточник. Хабаровск. 1990. 9 июня.
54. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
55. Шубин А. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986—1989). М.: Европа, 2006. 344 с.
56. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
57. Luhman N. Trust and power. New York: Wiley, 1979.
58. АОСПИ ИИАЭ ДВО РАН (Арх. отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).
59. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
60. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).